

МЫШКА И МЫШУТКА

Екатерина Георгиевна Карганова

Бежала мышка Варвара по лесу, с пути сбилась, и забрела в лесную чащу. Остановилась, огляделась – видит, прямо перед ней в густом ельнике – дом. Большой, мрачный. На окнах – закрытые ставни.

«Видно, давно в этом доме никто не живет», — подумала Варвара. Подошла поближе, приложила ухо к щелочке в дверях, прислушалась...

— У-у-у-у...У-у-у-у...

«Наверное, ветер в трубе воет или сквозняк по дому гуляет», — решила мышка. Но на всякий случай взяла камушек, чтоб погромче было, и постучала в дверь:

— Хозяин! Хозяйка! Есть кто в доме? Отворите, меня в дом впустите. Я не со злом, с добром к вам пришла.

Прислушалась... За дверью кто-то засопел, запыхтел, затопал. Звякнула щеколда, дверь приоткрылась. Смотрит мышка Варвара – глазам не верит. Стоит на пороге медвежонок. По сравнению с ней – великан великаном. А сам по себе махонький, косолапенький, словно игрушечный, плюшевый. Стоит, испуганно озирается – никого не видит.

— Да здесь я! Здесь! – крикнула мышка Варвара. – Подойди поближе, наклонись пониже – меня и увидишь.

Наклонился медвежонок пониже, ткнулся носом в порог и увидел мышку. Увидел, обрадовался и спрашивает:

— Ты моя мама?!

Мышка пискнула, хотела рассмеяться, но сдержалась.

— Ты считаешь, я на нее похожа?

— Похожа-а! — плаксиво заурчал медвежонок.

— Ну ладно, ладно! Об этом потом. Скажи лучше, как тебя зовут? – спросила мышка Варвара.

— Не зна-а-аю...

«Вот бедняга! — подумала она. — Совсем маленький и один-одинешенек. Куда это годится?» И успокоила медвежонка:

Не знаешь – не надо. Зато я знаю – я твоя мама.

— Мама! Моя мама пришла! – медвежонок сгреб Варвару в лапы и – ну плясать. А потом посадил ее на лавочку и, забыв про все свои недавние горести, спросил:

— А чего ты мне вкусенького принесла?

— Ох! – только и смогла вымолвить мышка Варвара.

А медвежонок не унимается, пристает:

— Меду принесла? Ягод принесла? А грибов?

— Вот что, сынок, — сказала мышка-мама, — будут тебе и мед, и грибы, и ягоды. А как же? Что, ты хуже других медвежат?! Вот, у меня в сумочке сухарик есть. Сладкий! Сахарный! Поешь – и в кровать! Спать пора. Поздно уже! А я тебе песенку спою.

Послушался медвежонок, улегся. Лапу сосет, посапывает, сладко зевает:

— Ма-а-ма-а...

Мышка ставни растворила, окошко приоткрыла, душистый лесной воздух в дом впустила, села рядом с медвежонком и тихо запела:

Есть у мышки мишка,

Есть у мишки мышка.

Мышке мишку не поднять,

Мышке мишку не обнять.

Спи, мишутка, спи, малыш,

Очень любит мишку мышь.

Песенка была нежная, ласковая, и медвежонок тут же уснул...

Осталась мышка Варвара у медвежонка жить. И была ему доброй и заботливой мамой, а в доме примерной хлопотливой хозяйкой. Рано вставала, поздно ложилась, чистоту наводила, шила-вышивала, еду добывала, готовила, медвежонка уму-разуму учила. И звала его Мишутка. Раз он мышкин сын, значит не Мишутка, а Мышутка.

— Ты, Мышутка, трудись – не ленись. Играть – играй, да про ученье не забывай. Разговаривай вежливо, не рычи – ненароком кого обидишь. Всегда говори тихо: громко только лягушки на пруду квакают. Ты ведь не лягушка?

— Ква-ква-ква! — смеется медвежонок, с мышкой-мамой соглашается, добрые советы запоминает.

Обедом мышка Варвара сыночка угощает, спрашивает:

— Вкусна ли похлебка? Хороша ли сдобная лепешка? Сладок ли малиновый кисель?

Мышутка мышкину стряпню нахваливает, за обе щеки уплетает, норовит не одну, а сразу две лепешки в рот запихнуть. Крошки по всему столу рассыпаются.

А Варвара ему салфеточку в лапу и так тихо, не обидно, по-матерински замечает:

— Ты, Мышутка, не торопись. Крошки не разбрасывай. Каждая малая крошка в поле зернышком в колоске была, на мельнице – мукой, на кухне – тестом, у тебя на столе лепешкой. Вон какой у нее долгий путь! Спасибо всем, кто помог ей к тебе добраться!

Медвежонок кивает, с мышкой соглашается. Потом выйдет из-за стола, три раза поклонится:

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — сгребет все крошки – и в рот!

Очень забавный был у мышки сынок. И послушный. А почему бы ему свою маленькую маму не слушаться? Она его любит, добра желает, веселые игры придумывает, волшебные сказки рассказывает. Очень довольны мышка Варвара мишкой, мишка Мышутка мышкой.

Ты самая замечательная мама на свете! – урчит от счастья медвежонок.

Приятно это мышке. Такие добрые слова дети редко говорят мамам. А зря! Они для мам послаще всяких сладостей, дороже всех самых дорогих подарков!

Прослышали в лесу, что у маленького одинокого медвежонка мама объявилась. И какая! Полевая мышка Варвара!

Один день удивлялись, два дня судачили, а на третий согласились: какая бы ни была мама – зайчиха, медведица, мышка – главное, чтобы она была!

Прошло ещё немного времени, и в лесу на все голоса стали нахваливать Варвару и восхищаться Мышуткой:

Какой пригожий, умытый, причесанный!

Здоровается – кланяется, пожилых уважает, дорогу уступает!

Сильный, а маленьких не обижает!

Ах, какой молодец растёт! Позавидуешь!

И все было бы хорошо, да приключилось неладное. Стали малыши лесные, бедовые да озорные, над Мышуткой потешаться, донимать насмешками, дразнить:

Эй, мишка-мышка, где твой мышиный хвостик?!

Где ты прячешь свою маму – в ухе или под мышкой?!

Да и не мама она твоя вовсе, глупый медвежонок!

Долго терпел Мышутка насмешки. Терпел-терпел, да не вытерпел! Рассердился, зарычал на весь лес. Примчался домой, дверью хлопнул, лапой по столу стукнул – до смерти мышку Варвару напугал!

— Мышутка, сыночек! Кто тебя обидел? Уж не заболел ли ты?

А медвежонок как зарычит:

— Не смей меня сыночком называть! Не хочу, чтоб ты была моей мамой! Уходи! Обманщица! Без тебя проживу! Надоела!

Ничего не ответила мышка. Ни слова не проронила. Ушла – не обернулась...

Остался медвежонок, как прежде, один-одинёшенек.

Сколько дней и ночей он в доме невымытым, нечёсаным, голодным бирюком просидел – неизвестно. Только однажды вылез он из своей неприбранной берлоги, в которую превратил чистый, уютный дом, переступил через порог, глядит, а на лавочке под окном – лукошко с грибами, бочоночек с мёдом рядом разложены. А неподалёку стоят соседи, знакомые – лесные жители и зайчиха Аннушка с зайчонком Кузей, и ёж Тимофей с сыном Егоркой, и добрый волк Гаврила – богатырская сила, и сова Гликерья с филином Порфирием, и белочка Луша, и лягушонок Тимка и даже проказница лиса Алиса.

Стоят, на медвежонка смотрят. А он увидел сладости, обрадовался, да как набросится на них! Ест, урчит, ни на кого внимания не обращает.

Покачала головой зайчиха Аннушка, вздохнула:

— Бедненький! Немытый, нечёсанный, голодный.

— Да уж! — согласилась белочка Луша. — Набросился, ни с кем не поздоровался. Такого раньше не бывало.

— Совсем одичал! — буркнула сова Гликерья.

Да если бы он свою мать – Варвару из дома не выгнал, разве такое могло бы случиться? Ух, неблагодарный! – возмутилась лиса Алиса.

Наслушался глупостей от дружков-озорников, которым каждому по подзатыльнику полагается, и пошёл всё крушить. Крушить-то ума большого не надо, – укорял медвежонок волк Гаврюша.

Доброе дело делать – вот где уму раздолье. Обидел ты свою маленькую маму. Ох, как обидел! Я бы тебя ни за что не простил! — сказал ёж Тимофей.

А Варвара-то? А Варвара, тин-тин-тин, — защебетала синичка Валентине, — ещё грибов, ягод насобирала, медку приготовила!

Медвежонок перестал есть, быстро- быстро заморгал глазами, да вдруг как заревёт!

— Поплачь, поплачь – есть от чего. И подумай, что делать буддешь. Может, и додумаешься! — фыркнул ёж Тимофей.

Все ушли. Очень обиделись они на медвежонок за добрую мышку Варвару.

А медвежонок сел на лавочку и заплакал пуще прежнего. Всхлипывает и причитает:

— Кто мне песенку споёт? Кто сказку расскажет? Кто сдобную лепёшку испечет? Кто малиновое варенье сварит? Кто уму-разуму учить будет? Кого я любить буду?! Ма-а-ма!

И вдруг слышит тоненький ласковый голосок:

— Здесь я! Здесь, маленький! Не плачь мишенька-медвежонок. Всё будет хорошо!

Вскочил мишка, плюхнулся на колени перед лавкой, на которой мышка Варвара сидела, запричитал, взмолился:

— Прости! Прости меня, матушка! Возьми меня к себе сыночком. Зови меня по-прежнему Мышуткой. Ты меня простишь?! — испуганно посмотрел он на мышку.

Конечно мышка Варвара простила неразумного медвежонка. Потому что нет такой мамы, которая не простила бы своего любимого сыночка. Даже если эта мама–мышка, а любимый сыночек-медвежонок.